

ИСТОРИКО-ПРАВОВЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ HISTORICAL AND LEGAL STUDIES

<https://doi.org/10.22363/2313-2337-2023-27-3-595-608>

EDN: IKHZXQ

Научная статья / Research Article

Присяга на подданство в отечественной истории и присяга на гражданство в современной России: традиции и новации

Р.Ю. Почекаев , Н.В. Тарасов

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»,
г. Санкт-Петербург, Российская Федерация
 rpochekaev@hse.ru

Аннотация. Включение в Федеральный закон «О гражданстве Российской Федерации» пункта о присяге при принятии российского гражданства в 2017 г. делает актуальным осмысление исторического опыта существования такого института в России ранее. Предпринимается попытка сравнительно-правового анализа современного института присяги при принятии российского гражданства с аналогичными институтами, существовавшими на Руси, в Московском государстве, Российской империи. При этом подчеркивается, что в течение длительного времени институт присяги не был формально закреплен, причем такое закрепление ранее произошло в отношении выходцев из стран Востока, в то время как присяга европейцев, принимавших российское подданство, не регламентировалась по форме и содержанию. Авторы ставят вопрос о том, в какой степени при выработке современной присяги при вступлении в российское гражданство учитывались исторические традиции нашей страны. Для ответа на него проводится анализ основных составляющих института присяги – условий ее принесения, церемонии, содержания и юридического закрепления. Исследование проведено с использованием формально-юридического, историко-правового и сравнительно-правового методов.

Ключевые слова: клятва, рота, шерть, подданство, гражданство Древняя Русь, Московское царство, Российская империя, Российская Федерация

Конфликт интересов. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Вклад авторов: Р.Ю. Почекаев – теоретическое обоснование исследования, историко-правовое исследование, утверждение окончательного варианта статьи; Н.В. Тарасов – разработка концепции, научный анализ современной правовой практики, обобщение полученных результатов.

© Почекаев Р.Ю., Тарасов Н.В., 2023

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Поступила в редакцию: 27 октября 2022 г.

Принята к печати: 15 июля 2023 г.

Для цитирования:

Почекаев Р.Ю., Тарасов Н.В. Присяга на подданство в отечественной истории и присяга на гражданство в современной России: традиции и новации // RUDN Journal of Law. 2023. Т. 27. № 3. С. 595–608. <https://doi.org/10.22363/2313-2337-2023-27-3-595-608>

The oath at the adoption of the Russian allegiance / citizenship: traditions and novelties

Roman Yu. Pochekaev^{ID}✉, Nikita V. Tarasov

HSE University, Saint Petersburg, Russian Federation

✉rpochekaev@hse.ru

Abstract. Inclusion of the clause on the oath at naturalization in the Federal Law “On Citizenship of the Russian Federation” in 2017 makes understanding of historical experience of such an institution in Russia in the past, relevant. The paper is an attempt of comparative legal study of the modern institution of the oath at naturalization and similar institutions that existed in the Ancient Rus’, Moscow state, Russian Empire. It is emphasized that for a long time the institution of the oath was not formally established; however, it was established at first in relation to natives of Eastern countries, while the oath of Europeans who accepted a Russian citizenship was not regulated in form and content. Authors raise the question to what extent the historical traditions of our country were taken into account in the development of the modern oath of Russian citizenship. To answer this question, the basic elements of the institution of the oath including terms of adjuration, ceremonial, content and legal formalization have been examined. The study is mainly based on the formal-legal, historical-legal and comparative-legal methods.

Key words: vow, rota, shert’, naturalization, citizenship, Ancient Rus’, Moscow Kingdom, Russian Empire, Russian Federation

Conflict of interest. The authors declare no conflict of interest.

The authors’ contribution: R.Yu. Pochekaev – theoretical justification of the study, historical-legal research, approval of the final version; N.V. Tarasov – development of the concept, scientific analysis of current legal practice, summary of the study results.

Received: 27th October 2022

Accepted: 15th July 2023

For citation:

Pochekaev, R.Yu., Tarasov, N.V. (2023) The oath at the adoption of the Russian allegiance / citizenship: traditions and novelties. *RUDN Journal of Law*. 27 (3), 595–608. (in Russian). <https://doi.org/10.22363/2313-2337-2023-27-3-595-608>

Введение

Включение в Федеральный закон «О гражданстве Российской Федерации» п. 11.1 о присяге при принятии российского гражданства существенно увеличил интерес исследователей к присяге как правовому институту. Прежде исследователи уделяли основное внимание присяге, которую приносили лица, вступающие в определенную должности воинской присяге (Grishakina, 2015; Markhgeym, 2017),

а в историко-правовом аспекте – также присяге как доказательству в суде. Появление в отечественной правовой практике новой категории присяги делает актуальным обращение к историческому опыту применения аналогичных институтов в России. В последнее время появился ряд работ, посвященных присяге при принятии подданства или гражданства, однако специалисты, как правило, либо выделяли признаки и давали определение института присяги (Rusakova, 2008), либо обращались к анализу исторического опыта принесения присяги (Kruglyakova, 2008; Stashchak, 2013), либо – к юридической характеристике института, введенного в 2017 г. (Drogavtseva, 2021; Kaveev, 2019; Rusakova, 2017; Chaplitskiy & Markhgeym, 2018). В настоящей статье предпринимается попытка сравнительно-правового анализа присяги на подданство в прошлом и современной присяги при принятии гражданства.

Этот анализ не столь схоластичен, каким может показаться на первый взгляд: исследователи совершенно справедливо указывают, что одной из функций присяги является приобщение присягающего к культурным ценностям той страны, гражданство которой приобретает после принесения присяги. А среди ценностей, которые Россия декларирует сегодня, имеются элементы традиционной культуры нашей страны, формировавшиеся в течение столетий. Соответственно, целью статьи является попытка выяснить, какие элементы этого института были сохранены из историко-правового опыта, а какие являются новыми.

Варианты присяги на подданство в Древней Руси, Московском царстве и Российской империи

В исторической и историко-правовой науке наиболее ранним прототипом присяги на подданство принято считать клятву, или «роту», известную еще со времен Древней Руси IX–X вв. В самых ранних источниках сведений об этом институте не так уж много, тем не менее можно утверждать, что ее приносили, как правило, представители служилой знати – сначала бояре, затем дружинники, которые клялись либо «голову сложить» за князя, либо «служить животом». Упоминания о клятве более широких слоев общества (например, жителей города в целом) в Древней Руси единичны и также больше были связаны с обязательством клявшихся стоять за князя в борьбе с его противниками. Как представляется, подобного рода клятвы в большей мере могут быть соотнесены либо с западноевропейским средневековым оммажем, либо с современной присягой при вступлении в должность или поступлении на военную службу (Rusakova, 2008:12; Stefanovich, 2008:170, 174–176, 183).

В какой-то мере рассматривается в качестве прототипа присяги на подданство также dokonчания великих и удельных князей XIV – начала XVI вв., тоже сопровождавшиеся принесением клятвы (крестоцелованием). Однако полагаем, они еще в меньшей степени соответствуют современной присяге при принятии гражданства: формально и фактически это были договоры с взаимными правами, обязанностями и гарантиями достаточно широкой внутренней автономии удельных князей в своих владениях. Что же касается крестоцелования, то это был лишь ритуал, сопровождавший принятие документа и свидетельствовавший о намерении сторон его исполнять (Stefanovich, 2008:182, 186; Hanak, 2014:119–121; Agamben, 2011:29–30).

Присяга на подданство в более привычном сегодня понимании, пожалуй, впервые была проведена в нашей стране в 1598 г., после избрания на царство Бориса Годунова. Необходимость присяги была очевидна и современникам, и современным

исследователям: на смену династии Рюриковичей, чья власть была «от бога» и, соответственно, не требовала официального признания со стороны подданных, пришел представитель совершенно другого семейства, всецело обязанный трон именно всенародному выбору на земском соборе. Можно согласиться с мнением, что с этого времени присяга стала рассматриваться не как личная верность правителю, занимавшему трон в настоящее время, а монарху как институту, воплощавшему собой государство. Поэтому присяга осуществлялась на основе специально разработанной крестоцеловальной записи с формулировкой обязательств подданных, которые отсутствовали в клятвенных записях, в частности Ивана IV. С целью легитимации своей власти новый царь решил провести обряд присяги на верность со стороны населения, причем высшая знать присягнула ему уже сразу после избрания, в марте-апреле 1598 г., тогда как большинство населения, в том числе и в регионах, присягало до середины сентября – на основе указных грамот, разосланных воеводам (Koroleva, 2020:73–75).

В период Смуты в текстах присяжных грамот часто менявшимся монархам наряду с общими обязательствами подданных постоянно указывались и специфические – в частности, не изменять, не вступать в отношения с другими претендентами на трон и их приближенными и сообщать об измене других. Характерно, что и сами цари при вступлении на трон (также начиная с Бориса Годунова) принимали на себя определенные обязательства перед подданными, что позволяет видеть в процедуре присяги сохранение прежних элементов договора (Kamentseva, 2019).

Существенные изменения в присяге подданных происходят при царе Алексее Михайловиче: в 1654 г. создается специальная «чиновная книга», в которой, во-первых, произошла замена традиционного крестоцелования клятвой на Евангелии, во-вторых, стал четко регламентироваться сам порядок принесения присяги, в-третьих, стало практиковаться включение в текст присяги также и имени наследника престола (Koroleva, 2020:78–79).

В дальнейшем регламентация текста присяги при вступлении нового монарха на престол был закреплен указом императора Александра I от 18 апреля 1801 г., посвященным «форме титула его императорского величества»: в нем была, пожалуй, впервые четко зафиксировано «клятвенное обещание», т.е. полный текст присяги российскому государю, который сохранялся вплоть до падения Российской империи¹.

До сих пор речь шла о присяге на подданство новому государю населения, ранее находившегося в подданстве у его легитимного предшественника. Теперь обратимся к истории формирования института присяги на подданство иностранцев. Он также прошел длительную эволюцию и сформировался окончательно лишь в последней четверти XIX в.

В период Древней Руси и Московского государства такого института не существовало: принятие иностранца («иноземца») в подданство того или иного русского князя осуществлялся «автоматически» в случае принятия им православия. Ситуация меняется после существенного расширения территории России и активного взаимодействия со странами Запада и Востока, когда в подданство московских государей стали переходить не отдельные лица, семейства и пр., а целые регионы с многочисленным населением.

¹ Полное собрание законов Российской империи. Собрание первое (далее – ПСЗРИ). Т. XXVI. СПб.: Тип. II Отд. СЕИВК, 1830. № 19841. С. 614–616.

Как ни парадоксально, в отношении европейцев, желавших принять российское подданство, в течение долгого времени не было закреплено типовой присяги²: клятвы на верность приносились *ad hoc*. Напротив, в отношениях со странами Востока уже с конца XV в. стал формироваться институт шерти (от персидского «шарт-наме» – «клятвенная запись»), который уже к рубежу XVI–XVII вв. имел четкий формуляр, т.е. типовое содержание. Причиной появления шерти стала невозможность распространения на отношения с восточными народами русской практики присяги как крестоцелования (O’Neil, 2006:32; Zaytsev, 2008:4–6)³.

Исторически шерть поначалу являлась международно-правовым соглашением: восточные государи – от Крымского ханства до монгольских государств (Heuschert-Laage, 2020; Serruys, 1958) – клялись в мире и дружбе российским монархам. Однако по мере продвижения России на восток этот институт стал трансформироваться в присягу на верность московским царям со стороны новых подданных – народов Урала и Поволжья, Сибири и пр. Региональные власти, приводившие к присяге новых подданных, опирались на разработанный формуляр, однако имели право адаптировать его к конкретным условиям – в частности, в зависимости от религиозной принадлежности присягающих народов (Slugina, 2017:15–16). Универсальный характер шерти обусловил длительный период ее применения: подобного рода клятвенные обещания со стороны восточных «владельцев» мы можем зафиксировать даже в первой половине XIX в., когда казахские ханы при вступлении на трон присягали российским императорам (Vasil’ev, 2020: 284, 291). Стоит отметить, впрочем, что принесение такой присяги («шертование») не являлось односторонним актом: ему предшествовало издание соответствующего царского (императорского) указа о принятии соответствующего народа в подданство, причем в таком указе, как правило, содержались не только обязательства новых подданных перед российским государем, но и определенные гарантии покровительства («милости») со стороны его самого.

Практика «шертования» имела определенные неудобства для российской правовой практики. Во-первых, в силу восточной традиции (из которой, собственно, и была рецепирована шерть) такая присяга имела персонифицированный характер: ее приходилось приносить каждый раз, когда на престол вступал новый российский монарх или же правитель того народа, который принимал российское подданство. Во-вторых, многие шерти являлись билингвами, и не всегда их перевод был аутентичным, в результате чего у российских властей и принявших российское подданство «иноземцев» формировалось разное представление о правах и обязанностях подданства (Akishin, 2005; Vodger, 1980:47).

Первые попытки универсализации присяги при принятии подданства иностранцами были предприняты в начале имперского периода: Петр I впервые на законодательном уровне зафиксировал присягу иностранцев – для шведских пленных, пожелавших остаться в России. Однако впервые стандартный текст присяги на верность Российской империи был закреплен в законодательстве императрицы

² Любопытно, что само слово «присяга» в русской правовой практике стало использоваться лишь в XV в. в процессе активизации отношений со странами Восточной Европы и применялось преимущественно при взаимодействии с Польшей, Литвой и их представителями (Stefanovich, 2008:168–169).

³ Впоследствии даже для приведения к присяге населения Сибири с разным вероисповеданием использовались «списки с присяги» и «шертовальные записи» (Zuev & Slugina, 2011:185).

Елизаветы Петровны в 1747 г.; характерно, что в соответствующем сенатском указе наряду с русскоязычным вариантом присяги имелся также и немецкоязычный⁴.

Что касается религиозного аспекта, то уже в период Московского царства начинается отказ от требования перехода в православие как неперемennого условия принятия российского подданства. Так, бывшие подданные Казанского и Астраханского ханств в середине XVI в. приносили присягу на Коране⁵. Во время московско-польской войны 1654–1667 гг. евреи г. Гродно присягали российским властям на основе «веры по их закону»⁶. Соответственно, в имперский период эта практика была продолжена и, например, не возникло никаких проблем, когда население Восточной Пруссии присягало на верность императрице Елизавете Петровне в 1757 и 1758 гг. по лютеранскому обряду в присутствии священников соответствующей конфессии (ср.: Skinner, 2009: 162).

Характерно, что присяга на подданство в имперской России, как и в Европе Нового времени, перестала носить взаимный характер: никаких обязательств со стороны государства, принимавшего лицо в подданство, в ней не содержалось. Исследователи обоснованно связывают эту тенденцию с развитием государственно-правового законодательства, в котором подробно регламентировался статус подданного, его права и обязанности, поэтому смысла дополнительно включать их в текст присяги власти не видели (Shvengelbek, 2003:1–2).

В XIX в. институт присяги при принятии российского подданства иностранцами получает дополнительную и весьма подробную регламентацию, в результате чего происходит окончательный отказ от «западной» и «восточной» практики и, соответственно, фактически отменяется «шертование». В 1864 г. в Свод законов Российской империи был включен закон о порядке вступления иностранцев в подданство, которым определялся четкий порядок присяги при натурализации. Во-первых, иностранцу требовалось прожить в России не менее 5 лет; этот срок мог быть уменьшен либо Министерством внутренних дел, либо туркестанским и приамурским генерал-губернаторами в своих владениях – соответственно, для выходцев из среднеазиатских ханств и китайцев или корейцев (ст. 836, 845, 848, 852). Также особые права были установлены для рабочих-мигрантов из числа болгар и других иностранцев православного вероисповедания в Тифлисской губернии и Новороссийском крае (ст. 856). Кроме того, если иностранец состоял на российской службе, он мог быть принят в подданство в любое время по ходатайству своего непосредственного начальника (ст. 852). Во-вторых, на основании решения о принятии гражданства иностранец приносил присягу в присутствии губернского правления или местного полицейского управления (с разрешения губернатора), если же иностранец принимал российское подданство за рубежом, то в присутствии российской дипломатической миссии по ходатайству российских же дипломатических агентов. Практика принесения присяги на родном или другом европейском языке для лиц, не владеющих русским, сохранялась, равно как и возможность принесения ее на основе того вероисповедания, к которому принадлежал будущий подданный. Текст присяги

⁴ ПСЗРИ. Т. XII. СПб.: Тип. П Отд. СЕИВК, 1830. № 9434. С. 748–749.

⁵ И современники, и исследователи приводили примеры, когда казахи, обращаясь в русский суд, клялись на Коране, давая при этом ложные показания и не считая это нарушением (Anichkov, 1898:31, 32), ср.: (Kim, 2000:148).

⁶ Фельдман Д. «...Им быть под нашею царского величества высокою рукою»: документы о принятии присяги и вступлении в российское подданство гродненских евреев в 1656 г. // Judaic-Slavic Journal. 2019. № 1 (2). С. 237–249. См. также (Penzich, 2009:116).

воспроизводился на основе «присяжного листа». Совершение обряда присяги фиксировалось в протоколе, который, как и «присяжный лист», подписывали сам присягнувший, приводивший к присяге и все присутствующие, затем оба документа предоставлялись губернатору, на основе их выдававшему свидетельство о принятии его в подданство (ст. 847)⁷.

Завершая анализ развития института присяги при принятии российского подданства иностранцами, хотелось бы обратить внимание на еще пару значимых моментов. Во-первых, на завершающем этапе существования Российской империи власти старались сократить число апатридов: так, циркуляром Департамента полиции от 4 февраля 1881 г. региональным властям предписывалось устанавливать надзор за лицами, прибывавшими в Россию после отказа от подданства своей страны и, по прошествии пяти лет, рекомендовать им принять российское подданство. Кроме того, крайне не приветствовался выход из подданства Российской империи: циркуляром того же ведомства от 18 августа 1877 г. российский подданный, отказавшийся от подданства и выехавший за границу, мог получить возможность въехать в Россию в качестве иностранца лишь по прошествии пяти лет после отказа (Stashchak, 2013:96).

Падение Российской империи в 1917 г. привело к необходимости пересмотра многих имперских институтов. Характерно, что вопрос о присяге на подданство рассматривался и Временным правительством, и правительством адмирала А.В. Колчака в Сибири, однако в силу различных причин не получил окончательного решения (Zhuravlev, 2017:8). Что же касается советских властей, то они сочли присягу устаревшим институтом из-за религиозной составляющей обряда и отменили ее: в соответствии с декретом ВЦИК 1918 г. приобретение иностранцем российского гражданства осуществлялось исключительно на основе решения советских властей (Совет Рабочих, Солдатских, Крестьянских и Казачьих Депутатов по месту жительства), принимаемого по заявлению соискателя гражданства⁸.

Таким образом, присяга на подданство в истории России имеет многовековую историю, пройдя значительную эволюцию в отношении формы, содержания и целей. Однако действие этого древнего и значимого правового института в нашей стране было приостановлено вплоть до 2017 г., когда были внесены изменения в Федеральный закон № 62-ФЗ «О гражданстве Российской Федерации» и принят указ Президента № 549 «О порядке принесения присяги гражданина Российской Федерации». Теперь обратимся к анализу современного законодательства о присяге, чтобы ответить на поставленный в статье вопрос: в какой мере он использует исторические традиции российского права.

Присяга при принятии гражданства в современной России

Обращаясь к формальной стороне, отметим, во-первых, сохранение торжественного обряда принесения присяги, несомненно, идущее из времен, когда он являлся прежде всего религиозным ритуалом. Если в Российской империи он осуществлялся в присутствии губернских властей, полицейского управления или дипломатических представительств, то в современной России присяга гражданина РФ

⁷ Свод законов Российской империи. Т. IX. СПб.: Печ. бр. Лукшевиц, 1912. С. 100, 194. См. также (Korkunov, 1909:268–273).

⁸ Декрет ВЦИК «О приобретении права российского гражданства» от 5 апреля 1918 г. // Собрание узаконений РСФСР. 1918. № 31. См. также (Rusakova, 2008:13–14).

приносится в помещения территориальных органов МВД РФ, дипломатических или консульских учреждений, органов местного самоуправления или же в местах боевой и трудовой славы и пр. В имперский период обязательной была клятва на Евангелии (для христиан) или на других священных книгах в присутствии представителя соответствующей конфессии. Сегодня это правило не применяется, вместо этого присяга приносится под флагом Российской Федерации, поскольку в силу ст. 14 Конституции РФ в России отсутствует официальная государственная религия, а церковь отделена от государства. Примечательно, что ничего не говорится о принесении присяги на иностранном языке – это позволяет избежать тех проблем, которые были отмечены нами при «шертовании» восточных народов на подданство Московскому царству и Российской империи.

Также очень важно отметить, что в Российской империи Министр внутренних дел (а в пределах своих полномочий – туркестанский и приамурский генерал-губернаторы с последующим уведомлением министра) сначала принимал решение о принятии иностранца в подданство, а уже затем приносилась присяга, подписывались «присяжный лист» и протокол, а уже на их основе выдавалось свидетельство о принятии в подданство. Аналогичный порядок действует и сегодня: сначала уполномоченный орган принимает решение о предоставлении российского гражданства иностранцу, и только после этого организуется принесение присяги. Современным аналогом «присяжного листа» служит бланк присяги, в которую присягающий собственноручно вписывает свое имя и подписывает, а также ставит свою подпись должностное лицо. Протокол имперского времени о совершении обряда присяги заменяет запись в журнале учета принятых к рассмотрению заявлений об изменении гражданства.

Примечательно, что сроки принесения присяги после принятия решения о подданстве в имперском законодательстве не регламентировались, тогда как в современном законодательстве установлен 10-дневный срок для принесения присяги со дня принятия решения о принятии в гражданство. Исследователи не без оснований предлагают скорректировать это положение – ведь нередко иностранец может его не соблюсти в силу объективных причин: находясь в командировке, не получив разрешения на въезд-выезд, по болезни и пр.

Обратившись к содержанию, т.е. тексту присяги, нельзя не отметить существенное его изменение в современный период по сравнению с дореволюционным аналогом, что наглядно представлено в табл. 1.

Несомненно, сразу же обращает на себя внимание куда больший объем присяги на подданство Российской империи, которая содержала весьма обширный перечень обязательств подданного с их конкретизацией. Условно таковых можно выделить шесть: верно и нелицемерно служить и повиноваться государю; предостерегать и оборонять узаконенные права и преимущества; споспешествовать верной службе монарху и пользе государственной; отвращать и не «допускать» вред интересам его Величества; поверенный и положенный чин по совести своей исправлять; противно должности и присяги не поступать). Также имеет место неоднократное обращение к религиозным ценностям как гарантии соблюдения указанных обязательств⁹. Современная присяга не только гораздо короче, но и в принципе отличается от при-

⁹ Подробный анализ формуляра присяг дореволюционного времени и периода Гражданской войны см.: (Zhuravlev, 2018).

сяги имперского периода: она не содержит «субъекта обязательства», т.е. конкретного лица, поскольку присяга приносится на верность России в целом, апелляции к религиозным ценностям (по вышеприведенным причинам), многочисленных конкретизаций обязательств. Соответственно, она содержит четыре основных обязательства: соблюдение Конституции РФ и законодательства, прав и свобод граждан; исполнять обязанности гражданина РФ; защищать свободу и независимость государства; быть верным России, уважать ее культуру и традиции.

Таблица 1. Текст присяги при принятии подданства в Российской империи и при принятии гражданства в Российской Федерации / Table 1. The text of the oath at the adoption of the allegiance in the Russian Empire and the adoption of the citizenship in the Russian Federation

Присяга на подданство Российской империи	Присяга гражданина Российской Федерации
<p>Я, нижеименованный, обещаюсь и клянусь Всемогущим Богом, пред святым его Евангелием, в том, что хочу и должен Его Императорскому Величеству, своему истинному и природному Всемилощивейшему Великому Государю Императору, самодержцу Всероссийскому (имя – <i>Р.П., Н.Т.</i>), и законному Его Императорского Величества Всероссийского престола Наследнику верно и нелицемерно служить и во всем повиноваться, не щадя живота своего до последней капли крови, и все к высокому его Императорского Величества самодержавству, силе и власти принадлежащие права и преимущества, узаконенные и впредь узаконяемые, по крайнему разумению, силе и возможности предостерегать и оборонять, и при том по крайней мере стараться споспешествовать все, что к Его Императорского Величества верной службе и пользе государственной во всяких случаях касаться может о ущербе же его Величества интереса, вреде и убытке, как скоро о том уведаяю, не токмо своевременно объявлять, но и всякими мерами отвращать и не допускать тщатися, и всякую вверенную тайность крепко хранить буду, и поверенный и положенный на мне чин, как по сей (генеральной), так и по особливой, определенной и от времени до времени Его Императорского Величества именем от представленных мною начальников определяемым инструкциям и регламентам и указам, надлежащим образом по совести своей исправлять, и для своей корысти, свойства, дружбы и вражды противно должности своей и присяги не поступать, и таким образом весть и поступать, как верному Его Императорского Величества подданному благопристойно есть и надлежит, и как я пред Богом и судом его страшным в том всегда ответ дать могу; как сущее мне Господь Бог душевно и телесно да поможет. В заключение же сей моей клятвы целую слова и крест Спасителя моего. Аминь.</p>	<p>Я (фамилия, имя, отчество), добровольно и осознанно принимая гражданство Российской Федерации, клянусь: соблюдать Конституцию и законодательство Российской Федерации, права и свободы ее граждан; исполнять обязанности гражданина Российской Федерации на благо государства и общества; защищать свободу и независимость Российской Федерации; быть верным России, уважать ее культуру, историю и традиции.</p>

Едва ли не единственным положением, присутствующим в обоих текстах, является обязательство защиты государства (в имперской присяге – в лице его правителя), в остальном же текст присяги при принятии гражданства, несомненно, более нейтрален и в большей степени соответствует текстам присяг на подданство / гражданство других современных государств.

Вместе с тем обещания в тексте присяги гражданина Российской Федерации являются достаточно емкими и при этом предметными. С одной стороны, они предполагают знание норм и принципов российского права, системы ценностей,

в том числе культурных и исторических традиций. В связи с этим не можем не обратить внимания на случаи, когда в рамках рассмотрения вопроса о принятии иностранца в российское гражданство представители органов внутренних дел по своей инициативе задают потенциальным гражданам вопросы по Конституции РФ или по истории России и, в случае неудовлетворительных ответов, не дают возможности принести присягу. В настоящее время такие действия оцениваются как превышение сотрудниками МВД своих должностных полномочий и даже рекомендуется писать жалобы на них¹⁰. Однако полагаем, определенный смысл в таких вопросах есть. Исследователи не без оснований наделяют присягу идеологической функцией (Rusakova, 2016): принося ее, человек демонстрирует, что разделяет систему ценностей государства. Соответственно, для этого он должен иметь представление об этих ценностях, и, по нашему мнению, нет ничего плохого или неправильного в том, что представители органа, принимающего решение о принятии иностранца в гражданство, предлагают ему продемонстрировать наличие этого представления. Другое дело, что на нормативном уровне следовало бы закрепить те пределы, в которых они могли бы быть продемонстрированы.

Кроме того, принесение присяги сегодня имеет не только ритуальное, но и практическое значение: за нарушение принятых на себя обязательств лицо, получившее гражданство РФ, может быть лишено его.

В заключение считаем целесообразным обратить внимание на некоторые формальные моменты, которые могут возникнуть в процессе принесения присяги гражданина РФ. На сегодня каких-либо эксцессов, связанных с принесением именно этого вида присяги, авторам статьи неизвестно, однако подобные казусы имели место при принесении других присяг и, полагаем, их следовало бы учесть и при анализе института присяги гражданина Российской Федерации.

Например, известны случаи отказа от принесения воинской присяги по религиозным убеждениям: так, в 2005 г. М. Барминов, служивший в воинской части в Улан-Удэ, проходил военную службу, однако не приносил присяги, поскольку в соответствии со своими убеждениями не мог взять в руки автомат, что является необходимым для принесения присяги¹¹.

Еще один случай был связан с принятием присяги генерального прокурора РФ И. Красновым в январе 2020 г.: он сначала произнес слово «Клянусь», лишь после этого положив руку на издание Конституции РФ¹².

При принятии адвокатами присяги, если эта процедура осуществляется одновременно для значительного круга лиц, в целях экономии времени текст присяги зачитывает авторитетный адвокат, а кандидаты лишь произносят слово «клянусь». Можно ли формально считать, что они принесли присягу?

Подобного рода казусы, полагаем, возможны и при принесении присяги гражданина Российской Федерации. В данном случае, полагаем, может оказаться эффективным обращение к историческому опыту и решению подобных ситуаций

¹⁰ См., напр.: www.migranturus.com (дата обращения: 21.07.2021).

¹¹ Евгений Хамаганов. Солдат отказался принять присягу. Режим доступа: <https://www.infpol.ru/168099-soldat-otkazalsya-prinyat-prisyagu> (дата обращения: 02.03.2022).

¹² Анастасия Власова. На принятии присяги нового генпрокурора произошел конфуз. Режим доступа: <https://www.mk.ru/politics/2020/01/22/na-prinyatii-prisyagi-novogo-genprokurora-proizoshel-konfuz.html> (дата обращения: 30.08.2022).

в отечественной практике имперского (а при необходимости) и более ранних периодов, когда отношение к присяге в силу религиозного характера этого обряда было более ответственным. Однако рассмотрение подобных казусов в прошлом и настоящем и принятие решений в случае их возникновения, несомненно, является темой отдельного исследования.

Заключение

Введение присяги гражданина Российской Федерации не только номинально отражает учет исторического опыта и правовых традиций нашего государства, но и способствует эффективной реализации тех функций, которые исследователи выделяют для присяги как правового института в целом – приобщение нового гражданина к общности российских граждан, системе ценностей нашей страны, искреннее намерение исполнять ее законы и защищать ее в случае необходимости и пр. Соответственно, можно полностью присоединиться к мнению исследователей, считающих, что возрождение института присяги для граждан служит цели укрепления российского суверенитета.

References / Список литературы

- Agamben, G. (2011) *The sacrament of language: an archaeology of the oath*. Transl. by A. Kotsko. Stanford, Stanford University Press.
- Akishin, M.O. (2005) The oath of allegiance of Siberian peoples during the joining to Russia. *Herald of Novosibirsk State University. Ser.: History. Philology*. 12(5), 233–241. (in Russian).
Акишин М.О. Шертование народов Сибири при присоединении к России // Вестник НГУ. Серия: История. Филология. Т. 12. 2005. № 5: Археология и этнография. С. 233–241.
- Anichkov, I.V. (1898) The oath of Kyrgyz at the Russian court. *Journal of Ministry of Justice*. (9), 24–50. (In Russian)
Аничков И.В. Присяга киргиз перед русским судом // Журнал Министерства юстиции. 1898. № 9. С. 24–50.
- Bodger, A. (1980) Abulkhair, Khan of the Kazakh Little Horde, and His Oath of Allegiance to Russia of October 1731. *The Slavonic and East European Review*. 58(1), 40–57.
- Chaplitskiy, F.F. & Markhgeym, M.V. (2018) Legal regulation of the oath of citizen of Russian Federation. In: *The constructive state: legal resources of formation: Materials of the International scientific-practical conference on occasion of 25th anniversary of Institute of Law of the National Research Belgorod State University. Belgorod, November 2018*. Belgorod, Belgorod State University. pp. 313–315. (in Russian).
Чаплицкий Ф.Ф., Маркгейм М.В. Правовое регулирование принесения присяги гражданина Российской Федерации // Государство созидающее: правовые ресурсы формирования: материалы Международной научно-практической конференции, посвященной 25-летию юридического института НИУ «БелГУ». Белгород, 22 ноября 2018 года. Белгород: БелГУ, 2018. С. 313–315.
- Drogavtseva, E.A. (2021) The oath as a condition of naturalization. In: *Law-enforcement activity of internal affairs bodies within the context of modern scientific researches: Materials of All-Russian scientific-practical conference, Saint Petersburg, December 4, 2020*. Saint Petersburg, Saint Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs. pp. 71–75. (in Russian).
Дрогавцева Е.А. Присяга как условие натурализации // Правоохранительная деятельность органов внутренних дел в контексте современных научных исследований: материалы Всероссийской научно-практической конференции, Санкт-Петербург, 4 декабря 2020 года. СПб.: Санкт-Петербургский ун-т МВД РФ, 2021. С. 71–75.

- Grishakina, E.A. (2015) The institution of the oath in the law: state and prospects of development. *Herald of Nizhniy Novgorod Academy of Law*. (7), 41–44. (in Russian).
Гришакина Е.А. Институт присяги в праве: состояние и перспективы развития // Вестник Нижегородской правовой академии. 2015. № 7. С. 41–44.
- Hanak, W.K. (2014) *The Nature and the Image of Princely Power in Kievan Rus', 980–1054: A study of Sources*. Leiden; Boston, Brill.
- Heuschert-Laage, D. (2020) The Role of Oaths in Seventeenth-Century Manchu-Mongolian Political Culture. *Mongolica*. 23(1), 10–17.
- Kamentseva, V.M. (2019) “Oaths to governments” in the Time of Troubles. *Vox medii aevi*. 1(4), 15–48. (in Russian).
Каменцева В.М. «Присяги правительствам» в Смутное время // *Vox medii aevi*. 2019. Vol. 1 (4). С. 15–48.
- Kaveev, K.A. (2019) Oath as factor of ensuring sovereignty of Russia. *Management consulting*. (4), 99–106. (in Russian).
Кавеев К.А. Присяга как фактор обеспечения суверенитета России // Управленческое консультирование. 2019. № 4. С. 99–106.
- Kim, K. (2000) *Aliens in Medieval Law. The origins of modern citizenship*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Korkunov, N.M. (1909) *Russian state law*. 1. Introduction and general section. 6th ed., Saint Petersburg, Stasyulevich's M.M. Printing Press. (in Russian).
Коркунов Н.М. Русское государственное право. Т. I. Введение и общая часть / 6-е изд. СПб.: Тип. М.М. Стасюлевича, 1909. 623 с.
- Koroleva, M.V. (2020) The procedure of state oath in Russia of the 17th century. *Medieval Russia. Questions of medieval studies*. (4), 73–82. (in Russian).
Королева М.В. Процедура государственной присяги в России XVII в. // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2020. № 4 (82). С. 73–82.
- Kruglyakova, V.B. (2008) The institution of the oath: past and present. *Administrative law and procedure*. (3), 15–18. (in Russian).
Круглякова В.Б. Институт присяги: прошлое и настоящее // Административное право и процесс. 2008. № 3. С. 15–18.
- Markhgeym, M.V. (2017) Constitutional oath: strokes on the Eastern-European portrait. *Science and education: household and economics; business undertakings; law and management*. 1(80), 61–65. (in Russian).
Маркгейм М.В. Конституционная присяга: штрихи к восточно-европейскому портрету // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. 2017. № 1(80). С. 61–65.
- O'Neil, K. (2006) Allegiance to Tsar and Allah: Crimean Tatars in the Russian Empire, 1783–1853. *Central Eurasian Studies Review*. 5(1), 31–36.
- Penzich, B.M. (2009) Civic resilience and cohesion in the face of Muscovite occupation. In: Friedrich, K. & Pendzich, B.M. (eds.) *Citizenship and Identity in a Multinational Commonwealth: Poland-Lithuania in Context: 1550–1772*. Leiden; Boston, Brill. pp. 103–127.
- Rusakova, N.G. (2008) *Oath as a general legal phenomenon: Abstract of cand. sci. thesis (Law)*. Nizhniy Novgorod. (in Russian).
Русакова Н.Г. Присяга как общеправовой феномен: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Н. Новгород, 2008. 33 с.
- Rusakova, N.G. (2016) Oath as legal and symbolical reflection of cultural tradition. *Juridical techniques*. (10), 453–456. (in Russian).
Русакова Н.Г. Присяга как юридико-символическое отражение культурных традиций // Юридическая техника. 2016. № 10. С. 453–456.

- Rusakova, N.G. (2017) Oath for accession of citizenship of the Russian Federation by foreigners. *Herald of Nizhniy Novgorod Academy of Ministry of Internal Affairs*. (4), 205–207. (in Russian).
Русакова Н.Г. Присяга при приобретении гражданства Российской Федерации иностранцами // Вестник Нижегородской академии МВД России. 2017. № 4 (40). С. 205–207.
- Serruys, H. (1958) A Note on Arrows and Oaths among Mongols. *Journal of the American Oriental Society*. (78), 279–294.
- Shvengelbek, M. (2003) The oath of allegiance: on changing of political communication in the 19th century. Russ. transl. by Miroslavskaya I.N. *Yaroslavl' Pedagogical Herald*. (3), 1–8. (in Russian).
Швенгельбек М. Присяга на верность: об изменении политической коммуникации в XIX веке / пер. И.Н. Мирославской // Ярославский педагогический вестник. 2003. № 3 (36). С. 1–8.
- Skinner, B. (2009) Khmelnytsky's shadow: the confessional legacy. In: Friedrich, K. and Pendzich, B.M. (eds.) *Citizenship and Identity in a Multinational Commonwealth: Poland-Lithuania in Context: 1550–1772*. Leiden; Boston, Brill. pp. 149–169.
- Slugina, V.A. (2017) *Legalization of Russian citizenship of Siberian peoples in 16th–17th centuries: allegiance settlements and procedure of the oath*: Abstract of cand. of sci. thesis (History). Novosibirsk. (in Russian).
Слугина В.А. Правовое оформление российского подданства сибирских народов в XVI–XVII вв.: шертовальные записи и процедура шертования: автореф. ... канд. ист. наук. Новосибирск, 2017. 27 с.
- Stashchak, A.Yu. (2013) Legal mechanism in naturalization in the Russian Empire (the end of the XIX – beginning of XX century). *Problems of Law-Enforcement Activity*. (1), 93–97. (in Russian).
Стащак А.Ю. Правовой механизм приобретения подданства Российской империи (вт. пол. XIX – начало XX ст.) // Проблемы правоохранительной деятельности. 2013. № 1. С. 93–97.
- Stefanovich, P.S. (2008) The Prince and the boyars: an oath of allegiance and the right to leave. In: Gorskiy, A.A et al. *Ancient Russia. Essays on political and social system*. Moscow, Indrik Publ. pp. 148–209. (in Russian).
Стефанович П.С. Князь и бояре: клятва верности и право отъезда // Древняя Русь. Очерки политического и социального строя. М.: Индрик, 2008. С. 148–209.
- Vasil'ev, D.V. (2020) *The birth of the empire. Souh-East of Russia: 18th – first half of 19th century*. Saint Petersburg, Dmitriy Bulanin Publ. (in Russian).
Васильев Д.В. Рождение империи. Юго-Восток России: XVIII – первая половина XIX в. СПб.: Дмитрий Буланин, 2020. 608 с.
- Zaytsev, I.V. (2008) The problem of verification of Muslims' religious vows to Christian authorities in Russia of 16th – 19th centuries. *Russian History*. (4), 3–9. (in Russian).
Зайцев И.В. Проблема удостоверения клятвенных обязательств мусульманина перед христианской властью в России XVI–XIX веков // Российская история. 2008. № 4. С. 3–9.
- Zhuravlev, V.V. (2017) Oath as an ideological text: to the history of the practice of formalizing relations of power and political loyalty in eastern Russia during the civil war. *Commonwealth*. (21), 7–12. (in Russian).
Журавлев В.В. Присяга как идеологический текст: к истории практики оформления отношений власти и политической лояльности на востоке России в период Гражданской войны // Содружество. 2017. № 21. С. 7–12.
- Zhuravlev, V.V. (2018) Oath in eastern Russia during the civil war: text form and ideological content. *Proceedings of the Ancient Technologies Laboratory*. 14(4), 210–221. (in Russian).

Журавлев В.В. Присяга на востоке России в период Гражданской войны: текстовая форма и идеологическое содержание // Известия Лаборатории древних технологий. 2018. Т. 14. № 4. С. 210–221.

Zuev, A.S. & Slugina, V.A. (2011) “Serve me, as I am your sovereign, your tsar and grand duke Alexei Mikhailovich”. Russian oath and shert letter in the middle of the 17th century. *Historical Archive*. (2), 183–189. (in Russian).

Зуев А.С., Слугина В.А. «Служити мне государю своему царю и великому князю Алексею Михайловичу». Русская присяга и шертовальная запись середины XVII в. // Исторический архив. 2011. № 2. С. 183–189.

Сведения об авторах:

Почекаев Роман Юлианович – доктор исторических наук, кандидат юридических наук, доцент, профессор, заведующий кафедрой теории и истории права и государства, Юридический факультет, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»; Российская Федерация, 194100, г. Санкт-Петербург, Кантемировская ул., д. 3А

ORCID ID: 0000-0002-4192-3528

e-mail: rpochekaev@hse.ru

Тарасов Никита Валерьевич – адвокат, заместитель председателя Комиссии по защите профессиональных прав адвокатов Адвокатской палаты Санкт-Петербурга; старший преподаватель кафедры теории и истории права и государства, Юридический факультет, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»; Российская Федерация, 194100, г. Санкт-Петербург, Кантемировская ул., д. 3А

e-mail: tarasov_n_v@mail.ru

About the authors:

Roman Yu. Pochekaev – Doctor of Historical Sciences, Candidate of Legal Sciences, Associate professor, Full Professor, Head of the Department of Theory and History of Law and State, Law Faculty, National Research University Higher School of Economics; 3A, Kantemirovskaya Str., Saint Petersburg, 194100, Russian Federation

ORCID: 0000-0002-4192-3528

e-mail: rpochekaev@hse.ru

Nikita V. Tarasov – advocate at the Saint Petersburg Bar Association, vice-chairman of the Commission on the professional rights of advocates; senior lecturer of the Department of Theory and History of Law and State, Law Faculty, National Research University Higher School of Economics; 3A, Kantemirovskaya Str., Saint Petersburg, 194100, Russian Federation

e-mail: tarasov_n_v@mail.ru